

УДК 94(571.1/5)

Лохвицкий versus Куртуков: опыт анализа внутриполитической ситуации в Енисейской губернии на рубеже 60–70-х гг. XIX в.

С. К. Черепанов

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Аннотация. Анализируются причины противоборства двух группировок в системе управления Енисейской губернии. Обосновывается необходимость всесторонней оценки подобных конфликтов.

Ключевые слова: Енисейская казенная палата, кадровая политика, восточносибирская администрация.

Аполлон Давыдович Лохвицкий попал в Енисейскую губернию на излете своей карьеры. Будучи неконфликтным человеком, он не был предрасположен к проведению кардинальных изменений в жизни подведомственного региона, по опыту зная, что особых успехов в этом направлении не добьешься, а шишек можно наполучать изрядно. Однако он хорошо понимал, что генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков (давнишний приятель и сослуживец), в ультимативной форме вытребовавший для него пост енисейского губернатора, связывает с ним определенные надежды, и не хотел обманывать этих ожиданий.

Что же касается самой Енисейской губернии, то тогдашнее ее общество все еще находилось под впечатлением «муравьевского правления», в ходе которого графу Амурскому своими решительными действиями удалось придать вектору всей российской политики «восточносибирское направление». Очевидец, посетивший Красноярск в августе 1868 г., делился своими впечатлениями: «...Незадолго до моего приезда, город проводил генерал-губернатора в Иркутск и здесь шли оживленные толки, высказывались разные предположения и разочарования; одним словом, все остались в каком-то опьянении, потому что ожидаемые изменения и нововведения остались не разрешенными и все теперь ожидания устремлены на Иркутск» [10].

Разумеется, масштабы ожидаемых нововведений весьма сильно варьировались. Но общим для всех было желание избавиться от ярлыка «каторжного края», стремление к введению состязательности судопроизводства, реального местного самоуправления и устойчивого доступа к дешевому кредиту.

Несомненно, осуществление этих нововведений зависело не от Иркутска, а от Петербурга и даже от общеевропейской конъюнктуры. От руководства сибирских регионов требовалась лишь готовность к реализации поступающих

из центра указаний по осуществлению предстоящих нововведений. Последнее предполагало известную сплоченность региональных элит, готовность сообща работать для достижения намеченных целей.

Как опытный администратор, Лохвицкий отдавал себе отчет, что в Красноярске он может столкнуться с серьезным противодействием со стороны местных купеческо-чиновничьих группировок, которые из-за боязни утратить свой вес и влияние будут саботировать губернаторские решения. Понимал он и то, что никакой реальной опоры в структурах губернского управления у него нет, так что собственную команду только предстоит создать. Нельзя было не учитывать и особенности местного регионального социума: «неразвитость здешнего купечества, которое все свои действия строит на обманах и стачках» (сговорах. – С. Ч.) [11]; лихорадочную «золотоманию, охватившую едва ли не все население», не исключая и местное чиновничество [13], а также психологическое неприятие традиций правового регулирования привычного хода внутригубернской жизни. «К людям, стремившимся разоблачать местные злоупотребления и бороться с укоренившимся беззаконием, красноярское общество относилось если не открыто враждебно, то, несомненно, с большим недоверием и настороженностью. Их называли людьми беспокойными, неуживчивыми, выносящими сор из избы» [5, л. 2 об.].

Чтобы создать какое-то подобие команды и расставить доверенных людей на ключевые посты губернского управления, Лохвицкому потребовалось почти полтора года (сделаем скидку на необходимость срочного восстановления сгоревшего г. Енисейска). К исходу 1869 г. «невзятым бастионом» оставалась Енисейская казенная палата (ЕКП), возглавляемая равным ему по чину чиновником, действительным статским советником П. М. Куртуковым. Собственных ресурсов для удаления Куртукова у Лохвицкого не было, и он обращается за содействием к М. С. Корсакову. В середине января 1870 г. Корсаков отправляет в Петербург письмо следующего содержания [9, л. 1–2].

«Г-ну Министру Финансов

Председатель ЕКП д. с. с. Куртуков, прослужив 45 лет и достигнув 67-летнего возраста, не может уже по слабости здоровья и пользой для службы занимать такой важный пост в составе Губернского управления. Находя поэтому необходимым, в видах пользы службы, заменить его другим, вполне соответствующим своему назначению лицом, я обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в ходатайстве об увольнении его со службы по преклонности лет, с мундиром и с назначением в порядке исключения годового оклада жалования – 1400 р., а Красноярскому губернскому казначейству произвести соответствующую выплату... Вместе с тем прошу переместить на должность Председателя ЕКП и. д. Председателя Иркутской казенной палаты (ИКП) с. с. Титова, а на его место назначить д. с. с. Федоровича. Копии с аттестатов Федоровича и Куртукова будут доставлены.

Генерал-губернатор Восточной Сибири, Генерал-лейтенант Корсаков. Иркутск, 14 января 1870 г.»

В ответе из Минфина сообщено о трудностях, встречающихся с назначением действительного статского советника (далее – д. с. с.) Федоровича пред-

седателем ИКП: департамент таможенных сборов выразил недоверие его кандидатуре. Однако настойчивый Корсаков продолжает гнуть свою линию; теперь он предлагает назначить председателем ЕКП статского советника (далее – с. с.) Лаврентьева, бывшего несколько лет советником ИКП, Федоровича сделать членом Совета ГУВС от Минфина, теперешнего члена совета ГУВС д. с. с. Яковенко утвердить председателем ИКП, а и. д. Председателя ИКП с. с. Титова перевести председателем Енисейского губернского правления (ЕГП). Ниже следует приписка, информирующая г-на министра финансов, что по поводу новых своих предложений Корсаков заручился согласием г-на министра внутренних дел, а также согласием Титова и Лаврентьева.

Несомненно, идя навстречу пожеланиям Лохвицкого, Корсаков решал и свои собственные кадровые проблемы. Но потребность в слаженной управленческой команде генерал-губернатор хорошо понимал и не мог не поощрять в своих ставленниках.

Дальнейшие события разворачивались стремительно. Куртуков, прослужив много лет в финансово-хозяйственных структурах Енисейской губернии и имея за спиной весомую поддержку местного купечества и духовенства, мог позволить себе иметь осведомителей в аппарате начальника губернии, сообщавших ему о действиях губернатора и его администрации.

Уже 4 февраля в Петербург на имя министра финансов за подписью Куртукова отправлена телеграмма следующего содержания: «Генерал-губернатор представил Вашему Высокопревосходительству об увольнении меня от службы по болезни, но я не был болен. Ежедневно тружусь на службе и содержу палату в исправности, что будет ясно видно из отчета по произведенной ревизии от министерства. Представление генерал-губернатора составилось по обманчивому частному извещению его о моей дряхлости от лиц, ищущих моего места. Дозвольте Ваше Высокопревосходительство продолжать службу при настоящей должности и удостоите выслушать мое по сему объяснение, представляемое почтой – Председатель ЕКП Куртуков» [8, л. 10].

Не успокоившись на этом, Куртуков 11 февраля 1870 г. отправляет в столицу новую депешу, теперь на имя управляющего канцелярией МФ Д. Ф. Кобеко: «Удостоите Ваше Превосходительство милостивым вниманием удовлетворить просьбу, изложенную в телеграмме от 4 февраля. Не откажите уведомить о решении телеграммой. Ответ уплочен» [8, л. 11].

В ответной телеграмме Кобеко информировал Куртукова, что представление генерал-губернатора об увольнении председателя ЕКП в Петербург еще не поступило.

Ободренный этим обстоятельством и желая с максимальной выгодой использовать медлительность российской почты, Куртуков решает взять инициативу в свои руки. С этой целью он направляет в Иркутск своего эмиссара – красноярского губернского казначея А. В. Костинского, пытаясь через него прощупать настроение генерал-губернатора и при случае попытаться склонить его на свою сторону. Поводом для заезда из Канска, куда Костинский был отправлен для ревизии, в Иркутск стало получение креста Св. Анны 3-й степени. Вместе с тем, начиная с апреля, Куртуков шлет в канцелярию Мин-

фина новые послания, в которых педалирует мысль, что сложившаяся неопределенная ситуация губительным образом сказывается на работоспособности всей палаты. «По обязанности Председателя палаты я, – пишет Куртуков, – должен отправиться ныне (июнь 1870 г.) для ревизии казначейств. Но в ожидании останавливаюсь. Удостоите, Ваше Превосходительство, разрешением, могу ли я надеяться на уважение моей телеграммы». Полученный ответ благоприятен для Куртукова: «Представление о Вас приостановлено на время разрешением. У. К.» [8, л. 15].

Таким образом, даже несмотря на неудачу миссии Костинского в Иркутске, к середине года положение Куртукова стабилизировалось. Минфин явно затягивал решение кадровых проблем, инициированных Лохвицким; положение губернатора делалось двусмысленным.

Между тем противостояние двух властных группировок не утихло внутри Енисейской губернии. Одним из самых заметных витков этого противостояния стало дело чиновника Я. Галушинского, исход которого в значительной степени предопределил поражение Куртукова и его уход с губернской «исторической сцены».

Фабула такова. В ходе обревизования Ачинского казначейства в январе 1870 г. обнаружилась утрата 100 бланков свидетельств на право торговой деятельности, ответственность за сохранность которых лежала на исполнявшем в этот период должность казначея бухгалтере этого же казначейства Я. Галушинском. (Для справки: окружным казначеем в Ачинске более 3 лет был сподвижник П. М. Куртукова А. А. Беляев, который часто «хворал» от запоев и его должность приходилось исполнять другим служащим казначейства.). Куртуков, узнав о пропаже торговых бланков, тут же уволил Галушинского, чего не имел права делать без санкции начальника губернии. Однако Куртуков был так уверен в правильности своего решения, что обсуждать его с Лохвицким, тем более в период конфронтации с губернатором, посчитал ненужным, ограничившись лишь напоминанием, что губернатор должен утвердить кадровое решение палаты. Лохвицкий в ответном письме уведомил Куртукова, что по делу о пропаже торговых бланков открыто официальное расследование, которое ведет ачинский окружной исправник, так что до окончания расследования он никаких кадровых решений ЕКП санкционировать не будет.

Однако Куртуков не стал дожидаться конца следствия и назначил на место уволенного Галушинского и. д. бухгалтера Ачинского казначейства Подгорбунского; на место последнего – чиновника Олейникова [2, л. 33]. Здесь впервые Куртуков столкнулся с критикой в свой адрес со стороны второго по рангу чиновника ЕКП – губернского казначея палаты с. с. Н. Ф. Дингильштедта, указавшего Куртукову на то, что Галушинского следовало бы просто отстранить от должности на время следствия, формально причислив его к штату губернского казначейства. Куртуков не стал оспаривать очевидные вещи и на ближайшем собрании Общего присутствия ЕКП утвердил откорректированную версию увольнения Галушинского (25 марта 1870 г.).

Все бы на этом и закончилось, но тут решил сказать свое «веское слово» красноярский казначей Костинский. Он наотрез отказался принимать в штат

губернского казначейства Галушинского. В своем донесении от 28 марта он заявляет: «Следя постоянно за тем, чтобы в штате вверенного мне губернского казначейства не было таких личностей, против которых заявляются обвинения в каких-либо предосудительных поступках..., я не желал бы с своей стороны иметь г-на Галушинского причисленным или на службе по Красноярскому губернскому казначейству, тем более что в настоящее время и не представляется особенной надобности в увеличении личного состава Казначейства...» [3, л. 27 об.]. Буквально через день присутствие палаты выносит новое решение о том, что причисленный к штату губернского казначейства Галушинский на основании мнения казначея Костинского увольняется от службы по ведомству ЕКП. Канцелярии ЕКП предложено занести в формуляр Галушинского отметку об обстоятельствах увольнения и направить данное решение в Петербург для утверждения министру финансов [3, л. 30]. Трудно сказать, зачем Куртукову понадобился этот откровенный блеф с письмом в Минфин. Возможно, ему хотелось показать себя и своих единомышленников как непримиримых борцов за чистоту рядов родного ведомства, что было совсем не лишним в его конфронтации с Лохвицким. Но эффект получился совсем не тот, на который рассчитывал Куртуков. Департамент государственного казначейства, куда стекались все кадровые дела по казначействам, мгновенно разглядел за демагогической риторикой письма откровенное превышение служебных полномочий, о чем и не преминул сообщить в Красноярск.

«Прокол» Куртукова подстегнул Лохвицкого перейти в наступление. 4 августа Енисейское губернское правление завело дело «Предложение Енисейского губернатора о чиновнике Якове Галушинском, о несправедливом увольнении его от должности бухгалтера Ачинского казначейства и вовсе от службы» [2]. Одновременно губернатор письменно проинформировал казенную палату, что теперь только он будет выносить окончательное решение относительно приема и увольнения чиновников палаты [2, л. 1–2]. Возникшая конфликтная ситуация стала предметом арбитражного рассмотрения в губернском совете. Губернский совет (а затем и совет ГУВС) полностью поддержал Лохвицкого и рекомендовал Галушинскому подать в ЕКП заявление с требованием выплаты 50 %-ной компенсации за незаконное увольнение, что и было сделано. Губернскому казначейству, скрепя сердце, пришлось возвращать Галушинскому деньги, а ЕКП – отменять свои же решения.

Не желая сдаваться, Куртуков еще раз пытается заручиться поддержкой «родного» ведомства, отправив в начале сентября жалобу на действия Лохвицкого в департамент государственного казначейства. В этом письме губернатор открыто обвиняется в самоуправстве; приводятся соответствующие примеры его противоправных, по мнению Куртукова, действий. (В частности, губернатор, узнав о предоставлении 4-месячного отпуска минусинскому казначею Вершицкому и определении на этот период к и. д. минусинского казначея чиновника ЕКП Шашина, вовсе уволил Шашина от службы [2, л. 3–5 об.].) В ответном письме Куртукову дали понять, что положения Свода законов о сибирских учреждениях приоритетнее казначейской инструкции, действующей на европейской территории России [2, л. 7].

Тем не менее Куртуков обжаловал действия начальника губернии в губернском суде, который весьма оперативно вынес решение в пользу Куртукова по всем пунктам: законными признано увольнение Галушинского и все последовавшие за ним перемещения чиновников ведомства ЕКП. Однако окончательную точку в этом деле поставил Второй департамент Сената, признавший решение губернского суда незаконным и подлежащим отмене за отсутствием события преступления (донос о пропаже торговых бланков оказался «липой» [2, л. 40–43], понадобившейся руководству казначейства, чтобы избавиться от неугодного чиновника).

Но все эти судебные перипетии, существенные для Галушинского и поддерживающих его прогубернаторских сил, уже никак не повлияли на судьбу самого Куртукова. В сентябре в Петербург отправился генерал-губернатор Восточной Сибири. Куртуков предпринял неудачную попытку перехватить его на пути следования через Красноярск, но Корсаков не пожелал с ним общаться. В отчаянии председатель ЕКП пишет многостраничное письмо в канцелярию Минфина, в котором пытается представить Лохвицкого в качестве злодея и разрушителя Енисейской казенной палаты. Позволим себе привести текст этого послания целиком [8, л. 75–79 об.].

«Его Превосходительству господину министру финансов

В докладных записках моих, представленных 28 февраля сего года г-ну Директору Департамента государственного казначейства с просьбой о доведении их до сведения Его Высокопревосходительства господина Министра финансов, я изложил с подробностью стеснительное положение Енисейской казенной палаты, происходящее от неблаговоления к ней г-на Начальника Енисейской губернии, действительного статского советника Лохвицкого и невнимания его к заслугам чиновников, в ведении палаты служащих, объяснив при этом, что через такое стеснительное положение и самый личный состав палаты с величайшим трудом в несколько лет мною сформированный может разрушиться, и делопроизводство палаты, до отличного состояния теперь доведенного моими стараниями, неминуемо придет в расстройство и затруднение, в особенности же подвергнется таковому расстройству и запущению хозяйственное отделение палаты, если по желанию губернатора будет вытеснен из оногo управляющий этим отделением надворный советник Вавилов – чиновник отличных способностей и неутомимый труженик, посвящающий служебным занятиям для содержания отделения в должном порядке, по причине известных здесь недостатков в способных делопроизводителях, дни и ночи, не исключая и праздничных.

Теперь это вытеснение г. Вавилова из хозяйственного отделения свершилось. Ему приказано губернатором подать в отставку, что им и исполнено и вследствие того он проезжавшим в первых числах сентября через Красноярск в Санкт-Петербург Генерал-губернатором Восточной Сибири уволен; предварительное же действие к расстройству хозяйственного отделения положено было начало в течение лета 1870 г. тем, что бухгалтер сего отделения Грацианский и исправляющий обязанности столоначальника того же отделения Баранович призваны на службу в Канцелярию губернатора, а за тем второй бух-

галтер этого отделения Устеренский, державшийся до того в порядке, спился и потому оставил службу. Через выбытие этих делопроизводителей из хозяйственного отделения оно подверглось значительному расстройству; для отращения этого расстройства я при содействии г. Вавилова начал комплектовать отделение новыми людьми и только в продолжении минувшего августа месяца успел таковых пригласить и поместить в отделение к занятиям, которые под ближайшим руководством г. Вавилова, как человека делового и хорошо в продолжении 2-летнего управления хозяйственным отделением ознакомившегося с делопроизводством оно, могли бы вникнуть в это делопроизводство и быть со временем полезными. Но вдруг при самом начале вступления этих людей в хозяйственное отделение, убирается из оно и сам г. Вавилов, и эти новые люди остались в отделении без пастыря.

Они, не успев ознакомиться с делами отделения и не имея руководителя, не знают, за что взяться; а тем более сообразиться с прежним делопроизводством и извлечь из этого какую-либо справку. И таким образом хозяйственное отделение обречено на полное расстройство, и делопроизводство неминуемо должно подвергнуться запущению и медленности; ибо имеющий определить на место г. Вавилова новый советник, хотя бы он был такой же труженик как и Вавилов и равных с ним способностей, не будет иметь возможным без знакомых с прежним делопроизводством столоначальников, управлять отделением с должной успешностью, пока сам он и столоначальники не ознакомятся хорошо с делопроизводством, а для этого нужно времени немало.

Хотя я и ходатайствовал у г. Начальника губернии прилагаемыми к сему в списках представлениями от 5 и 12 сентября 1870 г. за № 53 и № 3465 об оставлении г. Вавилова при занимаемой должности во избежание расстройства управляемого им отделения или по крайней мере о дозволении ему, Вавилову, управлять этим отделением до прибытия определенного на место его из Иркутска чиновника и г. Генерал-губернатор по личному моему ходатайству, в уважение причин, изложенных в упомянутом представлении моем за № 53, не находил препятствий, чтобы Вавилов управлял отделением до прибытия определенного на место его чиновника (что должно последовать до конца нынешнего года), но г. губернатор Лохвицкий все мои об этом ходатайства оставил без уважения.

Такие действия г. начальника губернии невольно заставляют думать, что он расстройством палаты старается навлечь на меня вину той неисправности, какая неминуемо должна последовать от этого расстройства, и тем поставить меня в невыгодное перед высшим начальством мнение, а через это подвергнуть и самому увольнению от занимаемой мной должности для замещения оной его избранником.

Служа с честью более 50 лет и приведя вверенную мне казенную палату в продолжение моего 6-летнего управления в отличное состояние (что ясно видно из сведений, представляемых мной при вышеупомянутых докладных записках 28 февраля с. г.), мне очень горько будет видеть это отличное состояние палаты расстроеным и через это расстройство подвергнутым невыгодному обо мне мнению начальства, а вместе с тем лишиться за все мои тру-

ды заслуженного вознаграждения. Вследствие такого безотрадного моего положения решаюсь убедительнейше просить Ваше Высокопревосходительство, не сочтете ли возможным ходатайствовать у Его Высокопревосходительства г-на Министра финансов соизволения на перемещение меня председателем из Енисейской в Томскую казенную палату, а председателя сей последней перевести на место мое председателем в Енисейскую казенную палату.

Этой просьбой я в особенности вынуждаюсь беспокоить Ваше Превосходительство потому, что г. Енисейский губернатор Лохвицкий по такому его стремлению к разрушению благоустройства казенной палаты, вероятно во время проезда ныне через Красноярск в Петербург г-на Генерал-губернатора Восточной Сибири наговорил ему очень много о немолодых моих летах и болезненном состоянии (в котором я по милости божьей не нахожусь) и что по всему этому я не могу заниматься службою с прежней энергией и потому нужно место мое заменить другим, как он и прежде об этом доносил г-ну Генерал-губернатору; вследствие чего последний, без сомнения, будет лично настаивать в Петербурге об увольнении меня от занимаемой мной должности по сделанным уже им об этом в январе месяце с. г. представлении г-ну Министру финансов. И таким образом, труды мои и вообще свыше 50-летняя моя усердная и беспорочная служба должны остаться без внимания и без наград; между тем как многие несравненно менее моего служащие здесь и в Иркутске давно уже имеют и Анну 2-й ст. с короной и Владимира 3-й ст., а я по какому-то непонятному неблагоприятию местного начальства к служащим в Енисейской губернии по ведомству Министерства финансов чиновникам, имею только Владимира 4-й ст. за 35 лет и Станислава 2-й ст. с короной. К высшим же наградам много лет уже не представляюсь, хотя впрочем, предместник нынешнего губернатора, генерал-майор Замятнин удостоил меня в 1867 г. 3-й ст. Владимира, как он объявил мне о сем при оставлении им в 1868 г. Енисейской губернии.

К сему считаю необходимым присовокупить, что Ваше Превосходительство, читая эту записку, равно и прежние мои подобные записки 28 февраля с. г. представленные, без сомнения изволите подумать, что я навлек нерасположение к себе нынешнего губернатора неуважением к нему или какими-то неблагоприятными поступками, но смею уверить, что относительно этих предметов он и сам ничего сказать не может; единственная же цель его неблагоприятия к палате состоит в том, чтобы через это неблагоприятие вынудить меня оставить палату и иметь возможность определить на мое место своего избранника из Иркутска и через это составить все части управления Енисейской губернии из его бывших иркутских и якутских подчиненных, каковыми в настоящее время уже и есть, как-то: председатель Губернского правления, Губернского суда, Губернский прокурор, Губернский стряпчий, чиновник особых поручений, полицмейстер, исправник и Губернский казначей палаты – все иркутские и якутские бывшие его сослуживцы и подчиненные и теперь определен Советником в Казенную палату на место Вавилова тоже иркутский его сослуживец; остаюсь только я не иркутский его сослуживец; а по округам Енисейской губернии в некоторых местах и даже в составе самого Губернско-

го правления определены его родственники. Все это я высказываю отнюдь не в виде доноса, но представляю только на вид в защите своей невинности. – Председатель Енисейской казенной палаты Петр Куртуков. 24 сентября 1870 г.».

Позволим себе краткий комментарий к этому любопытному документу.

Прежде всего заметим, что перед нами искусная фальсификация событий, смесь полуправды и полулжи, разграничить которые совсем непросто. Возьмем, к примеру, пассаж о том, как Лохвицкий, будто бы вопреки мнению генерал-губернатора Корсакова, не позволил опытному профессионалу Вавилову временно исправлять должность советника хозяйственного отделения до прибытия нового назначенца, дабы иметь возможность ознакомиться со спецификой делопроизводства отделения двух новых сотрудников, назначенных вместо уволенных Грацианского и Барановича. Этот факт имел место. Действительно, Лохвицкий едва ли не выгнал Вавилова со службы, потому что тот, как выяснилось позже из показаний самого Барановича [1, л. 10–10 об.], занимался приведением в негодность документов, компрометирующих Куртукова. Среди них могли быть записки Куртукова о получаемой им от чиновников из уездных казначейств «денежной дани» – из расчета по 10 руб. с бухгалтерского места. Эти факты (проливающие свет на мотивы действий куртуковского окружения в деле Галушинского) были публично вскрыты Н. Ф. Дингильшtedтом, заступившим место председателя палаты сразу после увольнения Куртукова [4, л. 14 об.–15].

Еще одним источником дохода, позволившим Куртукову составить за годы службы солидный капитал в 80 тыс. руб., являлись «денежные подарки» от своего доверенного лица – руководителя Красноярского казначейства Костинского, записного картежника и вора, о проделках которого писали сибирские газеты [13] и поступали полицейские депеши из Петербурга, где Костинский «коротал» командировочное время в обществе профессиональных шулеров [6, л. 122].

Примером фальсификации может служить нелепое заявление, будто бы бухгалтер Устеренский спился из-за несправедливых действий Лохвицкого. Куртуков еще до противостояния с Лохвицким увольнял Устеренского за пьянство, процветавшее среди его подчиненных. Еще более поразительным явлением в деятельности казенной палаты при Куртукове была «хозяйственная повинность», предполагавшая откомандирование чиновников палаты в распоряжение жены Куртукова (Анны Власьевской) для исполнения ее хозяйственных поручений [7, с. 182].

Но более всего в письме Куртукова поражает убеждение автора в том, что им налажена едва ли не идеальная работа казенной палаты, за что его следует награждать, а не увольнять; что только по каким-то необъяснимым причинам в Иркутске его не хотят замечать. Причины нелюбви руководства Восточной Сибири к Куртукову лежат на поверхности: еще не стерлось в памяти, как за незаконное покровительство никому неизвестному красноярскому чиновнику «слетел» с должности генерал-лейтенант Руперт.

Заканчивая этот краткий комментарий, добавим, что будь Куртуков хоть чуть более компетентен, он смог бы сообразить, что его полезность для Мин-

фина определяется показателем сокращения губернских недоимок по налогам и сборам, а не мифическим порядком в делопроизводстве. Увы, недоимки при Куртукове росли рекордными темпами.

С увольнением Куртукова, как часто бывает в подобных случаях, иссякла и решительность в действиях самого Лохвицкого. Созданная им управленческая команда стала разваливаться на глазах (сам ее создатель не был способен генерировать какие-либо конструктивные идеи). Только прибытие в Сибирь сенатора В. П. Синельникова на короткое время «подскипидарило» как выдвинутцев Лохвицкого, так и его самого. Что же касается финансового ведомства Енисейской губернии, то на месте Куртукова оказался не менее лицемерный, но более изворотливый проходимец Лаврентьев, правление которого стало еще одной позорной страницей в истории ЕКП. Только энергичная деятельность Н. А. Гирса, сменившего в 1879 г. Лаврентьева, позволила очиститься от «куртуковско-лаврентьевского наследства».

Как же оценивать в свете вышеизложенных фактов сущность противоборства двух провластных группировок Енисейской губернии в начале 70-х гг. XIX в.?

По-видимому, ни одна из имеющихся в литературе оценок подобных конфликтов не может считаться исчерпывающей. Это противоборство нельзя считать борьбой за перераспределение полномочий (между ведомствами, ветвями власти, центром и периферией и т. п.), хотя элементы всего этого, безусловно, присутствуют. Малопродуктивно сводить суть конфликта к столкновению новых, либерально-реформаторских сил с их консервативными противниками, хотя не видеть поводов для подобной оценки может разве что слепой. Нельзя не упомянуть и о борьбе закона с беззаконием, правительственных кругов с коррумпированными частями своих же местных структур. Вот только регулярно встречающиеся ситуации невмешательства столичных блюстителей закона в такого рода конфликты заставляют воздержаться от столь прямолинейных и однозначных оценок. К тому же поведение самого Лохвицкого зачастую было непоследовательным, отвечающим политике «двойных стандартов».

Можно, конечно, ограничиться банальной фразой, что жизнь богаче любых теоретических схем. Действительно, в рассмотренном конфликте отразились самые разные противоречия пореформенной России, так что дать ему какую-то однозначно исчерпывающую характеристику вряд ли возможно. При этом нельзя не признать, что действия сторонников Лохвицкого строились на рационально-правовой основе, подпитывались верой в то, что ликвидация «очагов» самоуправства в структурах губернского управления будет способствовать оздоровлению социального климата и улучшению условий жизни и деятельности населения Енисейского региона.

Куртуков же и ему подобные с врожденным недоверием относились к «гуманистическим новациям». Как всякий необразованный и невежественный (но не глупый) простолоудин, по воле случая вознесенный на руководящую должность, Куртуков признавал только грубую силу и толщину кошелька, посредством которого можно «отмазаться» от любых беззаконий, «продавить» любое решение. К сожалению, большая часть населения, будучи бес-

сильной что-либо изменить в собственной волости, уезде, губернии, мирилась с подобной практикой.

При всем при этом нельзя не признать, что куртуковы олицетворяли собой альтернативу той системе назначения высших должностных лиц губернии, которая позволяла ставить у руля практически только заезжих чиновников. Подобная практика неоправданно усложняла административную карьеру местным активистам (что стало лейтмотивом последнего письма Куртукова в Минфин); одновременно она порождала комплекс «провинциальной неполноценности», провоцируя настороженное недоверие к правительственным решениям и кадровой политике генерал-губернаторства со стороны местного «делового» сообщества. Не исключено, что подобные комплексы в немалой степени способствовали экономической отсталости региона (для которой, конечно, были объективные причины), проявлениями чего являлись и скромные даже по сибирским меркам денежные обороты внутри губернии, и индифферентность местной госбанковской структуры к увеличению объемов кредитования, и вышеупоминавшаяся склонность к обманам и «стачкам» местных купеческо-кулацких группировок, и многое другое, что делало Енисейскую губернию стратегически бесперспективной территорией в глазах правительственных чиновников.

К счастью, субъективный фактор в истории не всегда имеет знак минус. Редкостной удачей стало для сибиряков появление в должности генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова. Будучи опытным и прозорливым человеком, Николай Петрович понял простую вещь: в условиях непрекращающейся грызни петербургских верхов успешное развитие Сибирского региона будет зависеть от мобилизации местных патриотически настроенных сил. Он впервые в отечественной практике задействовал такой мощный политический инструмент, как гласность, сделав (посредством СМИ) достоянием общественности принципы своей кадровой политики и мотивы принимаемых решений. Этим он поверг в шок столичную политическую элиту и предвосхитил более чем на 100 лет контуры будущей российской перестройки.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 160. Оп. 3. Д. 228.
2. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 377.
3. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 549.
4. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 212.
5. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 270.
6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 42. Д. 154.
7. Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/Ф 7886/ПИ/ р. 231. (Ссылки даны на электронный вариант, подготовленный для издания Л. Сысоевой).
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 16. Д. 120.
9. РГИА. Ф. 560. Оп. 16. Д. 303.
10. Сиб. вестн. – 1868. – № 10–11.
11. Сибирь. – 1874. – № 65.
12. Сибирь. – 1876. – № 12.
13. Сибирь. – 1878. – № 3.

Lohvitsky vs. Kurtukov: Background of Internal Politics in Enisey Province at the Turn of the 60–70s of the 19th Century

S. K. Cherepanov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Abstract. The article describes the reasons of confrontation between rival groups of Lohvitsky and Kurtukov. The author emphasises the overall assessment of similar conflicts.

Keywords: Treasury Chamber of Enisey province, recruitment policy, East Siberian administration.

Черепанов Сергей Константинович

*доктор философских наук, профессор,
Гуманитарный институт
Сибирский федеральный университет
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82
тел.: 8(391)20-62-725
e-mail: gisfu@yandex.ru*

Cherepanov Sergey Konstantinovich

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Humanitarian Institute
Siberian Federal University
82, Svobodny st., Krasnoyarsk, 660041
tel.: 8(391)20-62-725
e-mail: gisfu@yandex.ru*